

*Посвящается моим друзьям,
близким и далеким...
и тем, которых я еще не повстречала.*

ГЛАВА 1

Я была в красном той ночью, когда судьба преподнесла мне очередной сюрприз.

Состоялся Королевский раут — крупнейшее светское мероприятие года. Торжество проходило в Королевской Галерее Айронпорта и дарило возможность разодеться по последней моде, украсить себя сверкающими драгоценностями и пообщаться с богатыми, знаменитыми и всеми, кому просто посчастливилось получить личное приглашение от самой королевы Исадоры.

От приглашения на раут отказываться было нельзя. Даже если очень хотелось.

— Первый урок этого вечера, — сказала я. — Делай вид, будто несказанно рада здесь быть.

Моя лучшая подруга Селина Эмброуз уже вечность боязливо выглядывала из окна нашего лимузина. По тридцати каменным ступеням галереи поднималась вереница красивых, безупречно одетых гостей, которых фотографировала толпа репортеров. Эти снимки тотчас наводнят новостные ленты миллионов людей, которые могли только мечтать о том, чтобы здесь оказаться.

МОРГАН РОДЕС

— Не представляю, как тебе это удавалось все эти годы, Джосс, — прошептала Селина, вцепившись в крошечную, вышитую бисером сумочку, как в спасательный круг. Ее по обыкновению бледная кожа от волнения стала почти прозрачной. — Все эти люди каждый миг оценивают тебя. Каждый твой шаг. Каждый изъян.

— Оценивают? Или восхищаются? — ответила я, пожав плечами. — Вот что тебе нужно сделать: подними подбородок, улыбнись пошире. Сделай вид, что все вокруг — твои лучшие друзья.

— Но это не так.

— Потому ты и *делаешь вид*, — напомнила я.

— Ты хочешь сказать, что я должна лгать.

— Конечно, лгать, притворяться — не важно. Называй как пожелаешь. Самое смешное, что никто не заметит разницы. Если выглядишь уверенно, все считают тебя уверенной. Можешь мне поверить.

— Для тебя это так просто. — Она нахмурила брови. — Ты выглядишь спокойной и расслабленной. Неужели все это тебя не напрягает? Или ты тоже притворяешься?

«Все время, — подумала я. — И особенно этим вечером».

В глубине души я знала, что мне не стоило приходить, но не могла допустить, чтобы Селина оказалась на рауте без поддержки. И вот я здесь.

— Практика — путь к совершенству, — беззаботно сказала я с ободряющей улыбкой. — Давай пойдем. Мы уже опаздываем. Твой отец убьет

меня, если задержимся еще хоть на минуту. Ты готова?

Селина напряженно кивнула.

— Думаю, да.

— Отлично. — Я махнула рукой водителю, терпеливо стоявшему снаружи лимузина, и он открыл заднюю дверь. Первой вышла из машины и взяла под руку поспешившую за мной подругу. — Давай сделаем это.

При виде Селины, прекрасной рыжеволосой восемнадцатилетней дочери премьер-министра Региса Эмброуса, и столь же великолепной семнадцатилетней блондинки (вашей покорной слуги) замигали сотни вспышек, и мы начали подниматься по лестнице.

Мне было легко улыбаться в камеры широкой, сияющей улыбкой, потому что у меня за спиной остались долгие годы практики и семь Королевских раутов. Однако для Селины это было первое масштабное мероприятие, на котором она оказалась в центре всеобщего внимания.

— Все хорошо? — спросила я вполголоса.

— Терпимо, — ответила она с вымученной улыбкой. Затем бросила взгляд на верх лестницы. — У отца недовольный вид.

Я проследила за ее взглядом и увидела этого самого отца, который в этот миг сердито смотрел на нас.

Вернее, сердито смотрел на *меня*.

Премьер-министр хотел, чтобы мы втроем прибыли вместе, но черное платье, уже купленное мной, попросту не подходило. А доставка алого совершенства

из атласа, которое теперь окутывало мое тело, к сожалению, задержалась, и мы опоздали. *Сильно* опоздали.

Впрочем, ничего бы не изменилось, даже если бы мы приехали на десять минут раньше. Отец Селины никогда не был моим ярым поклонником. Он всегда считал, что я оказываю дурное влияние на его безупречную дочь, а потому был бы рад, предпочти я сегодня остаться дома. Но этому не бывать. Селину беспокоило что-то, помимо закономерно сильного волнения перед встречей с толпой. И я была обязана и решительно настроена добраться до самой сути, чтобы помочь ей разобраться с тревогами.

Между нами не было секретов. Ноль. Нисколечко. Я всю жизнь хотела иметь сестру, и Селина больше всех на нее походила. Так что если она думала, что сможет что-то от меня скрыть, то ей стоило подумать еще раз.

Премьер-министр подозвал Селину, поманив указательным пальцем.

— Иди, — велела я. — Позволю ему на минутку заполучить тебя в свое полное распоряжение, пока не остынет. Я не в том настроении чтобы выслушивать, как меня отчитывают за неорганизованность.

Селина бросила на меня встревоженный взгляд, но я выставила вперед руку со свежим маникюром, не давая ей сказать что-то еще.

— Все нормально, — заверила я. — Дай отцу представить тебя всем, как ему хочется. Улыбайся, кивай, изображай глубокую заинтересованность во всем, что тебе говорят, и они будут готовы есть у тебя из рук. Ты привыкнешь.

— Разве я хочу к этому привыкать? — спросила она. — Быть плечом к плечу со всеми этими выскочками?

— Эй, ты говоришь в том числе о нескольких моих лучших друзьях. — Я одарила ее лукавой улыбкой. — И обо мне, конечно. Я здесь без преувеличения величайшая выскочка. И горжусь этим. — Мне удалось выудить из нее слабый смешок, что я сочла своей победой. — Иди, — вновь поторопила я.

Селина собралась что-то сказать, но прикусила нижнюю губу, кивнула и побежала дальше по лестнице, чтобы присоединиться к премьер-министру. Да, ее явно что-то беспокоило. Нечто существенное.

И я поклялась, что до конца вечера выясню, что именно.

Я подалась навстречу вспышкам камер, опустив руку на бедро, и стала позировать для снимков, стараясь делать вид, будто больше всего на свете мне хотелось находиться именно здесь. Прошлый год был до отказа наполнен печалью и сожалениями, и я была готова вновь стать прежней Джосс, той, которая не закидывается на прошлом. Сегодня я сосредоточусь на том, чтобы быть в настоящем и открыться чудесным возможностям, которые таит будущее. Больше ничто не имеет значения.

На какой-то миг это стало правдой. В конце концов, мне нравилось, когда меня фотографировали, особенно в таком умопомрачительном платье, которое будет потрясающе выглядеть в новостной ленте: ярко-красное

пятно в море красивых, но однообразных черных и серых дизайнерских платьев. Оно стоило каждого пенни.

Я сменила положение и перекинула волосы через плечо, принимая свою излюбленную позу, потому что так мои длинные светлые локоны скрывали родимое пятно на шее. Все детство я недолюбливала эту отметину в форме сердца и всерьез подумывала удалить ее, но так и не собралась. И с тех пор я решила ценить эту свою особенность.

Пока не оказывалась в центре внимания. Тогда старые привычки снова давали о себе знать.

— Мисс Дрейк! Джослин Дрейк! — Стоявший в нескольких метрах от меня репортер прокричал мое имя достаточно громко, чтобы я обратила на него внимание. Повернувшись на высоченных каблуках, я одарила его ослепительной улыбкой.

— Здравствуйте, — произнесла я.

— Прекрасно выглядите, мисс Дрейк.

— Спасибо.

Репортер сунул мне микрофон. Его напарник навел камеру.

— Ровно год назад ваш отец, премьер-министр Луи Дрейк, был убит на этих самых ступенях, ведущих на Королевский раут. Вся империя Регары хочет знать: как себя чувствует Джослин Дрейк — бывшая Первая Дочь Айронпорта?

Моя улыбка угасла. Гул толпы сник до фонового шума. Сердце быстро и громко стучало в ушах.

— Я... у меня все хорошо, спасибо. — Мне кое-как удалось выдать слова.

Эти ступени. Тот вечер. Ровно год назад.

Взгляд устремился к белой мраморной лестнице, которую начисто оттерли от крови моего отца сразу же после трагедии. Не осталось ни следа случившегося, но воспоминания были такими же пронзительно яркими, словно это произошло пару мгновений назад.

Микрофон еще больше приблизился к моему лицу, и я поборола желание оттолкнуть его подальше. Горло сдавило, и стало почти невозможно говорить.

— Просто поразительно, что вы сегодня присутствуете. Что дало вам сил посетить раут в этом году? — спросил репортер.

«Притворяйся», — сказала я Селине. Я должна была притвориться, солгать, что все в порядке, что каждая клеточка моего тела вовсе не кричала мне убежать и спрятаться.

Я ожидала этого. Конечно, ожидала. И я смогу с этим справиться. Смогу с изяществом справиться с нахальным репортером, пусть даже его вопросы были словно стрелы, нацеленные прямо в мое сердце.

— Сила королевы Исадоры дарует мне всю необходимую решительность, — ответила я как можно спокойнее. — Я поддерживаю Ее Величество во всех делах и решениях и с огромным нетерпением жду возможности услышать ее сегодняшнюю речь.

Репортер кивнул.

— Последним решением Ее Величества было совершить облаву на владения лорда Баниона, но прославленный колдун в итоге вновь сумел уйти. Вы верите, что гвардейцы королевы разыщут его и отдадут под суд

за смерть вашего отца и тысяч регарийцев, павших от его неумолимого стремления уничтожить империю?

Как правило, никто не смел задавать подобные вопросы на ступенях галереи. Раут был посвящен легкомыслию, престижу и гламуру. А не колдунам-террористам, смерти и магии. Я больше не могла сохранять фальшивую улыбку. Глаза щипало от слез, но я что было сил не давала ни одной пролиться.

Микрофон даже не дрогнул в руке репортера. Он оставался в паре сантиметров от моих губ и ждал ответа. Камеры были прикованы к моему лицу, готовые запечатлеть любой намек на слабость или эмоции.

Всю свою жизнь я была Первой Дочерью, пока не умер мой отец. Я росла в центре внимания общественности среди пылкого восхищения или резкой критики, в зависимости от ситуации. Я всегда давала репортерам все, что им было нужно, не пряталась от внимания, когда кто-то хотел сфотографировать меня или задать несколько вопросов.

Но прошлый год я держалась особняком и проводила время по большей части с Селиной. Не давала интервью и не посещала крупных, помпезных мероприятий. Скрылась от внимания общественности и средств массовой информации. Я бывала на нескольких закрытых вечеринках с небольшой компанией друзей, но это даже не считается.

Я обходила стороной места, где репортеры и фотографы могли подобраться ко мне так близко. Не хотела показывать им, что могу быть слабой или заплакать. Потому что я не была слабой. А если и заплачу, то не

допущу, чтобы это показали по телевизору всем жителям империи.

Так что я надорвусь, но буду врать, что Джослин Дрейк, бывшая Первая Дочь Айронпорта, прекрасно, великолепно поживала, чего желала и вам.

И они поверят.

— Я всецело верю, что королева Исадора и ее чрезвычайно опытная, преданная армия королевских гвардейцев в конце концов положат конец угрозе в лице лорда Баниона, — ответила я без запинки, отрывисто произнося слова. — И в империи вновь воцарится мир.

Когда я закончила говорить, меня всю трясло. Репортер задал уточняющий вопрос, но с меня уже было достаточно.

Я ответила ему натянутой улыбкой.

— Большое спасибо, — сказала я и, отвернувшись от него, поспешила дальше по лестнице, больше не пытаясь поймать удачный ракурс для фотосъемки. Я с раздражением стерла слезинку, которая все же сорвалась с ресницы и потекла по щеке.

Будем надеяться, никто этого не видел.

Оказавшись в вестибюле галереи, я прижалась спиной к каменной колонне, закрыла глаза и сделала несколько глубоких и (будем надеяться) успокаивающих вдохов.

— Ты справишься, — убеждала я себя вполголоса. — С тобой все хорошо. Все в порядке.

Минуту спустя я открыла глаза и оглядела оживленный вестибюль. В мыслях сразу возникли воспоминания о том, как мы с отцом, держась за руки, вместе